О.Г. БОРИСОВА
(Краснодар)

ОТРАЖЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРАНИЦЫ СЛОВА В ПРАКТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (на материале говоров Кубани)

Описана проблема отражения семантической границы слова в региональном словаре. На конкретном материале демонстрируется, что семантическое варьирование слова в одних случаях приводит к сохранению тождества значений, в других – к их обособлению и отмежеванию. Подчеркнута важность индивидуального подхода к лексикографическому представлению каждого факта проявления гомогенной и гетерогенной омонимии.

Ключевые слова: *семантическая граница слова, гомогенные и гетерогенные омонимы, полисеманты, деомонимизация, лексическая конвергенция, распад полисемии, семантическое варьирование.*

Высказывание В.В. Виноградова о том, что «семантической границей слова является омоним» [4, с. 21], давно уже стало научным афоризмом. Выделение в диалектных словарях гетерогенных омонимов признается всеми лексикографами. Между тем неразработанность этимологии большинства диалектных слов существенно осложняет квалификацию совпадающих по форме лексических единиц, имеющих разное происхождение. Именно поэтому при регистрации омонимов в словаре кубанских говоров мы не только опирались на данные лексикографических источников, но и учитывали зафиксированные в местном диалекте лексикализованные фонетические явления и некоторые другие лексико-семантические процессы, приводящие к модификации внешнего и внутреннего облика диалектного слова. Например: *ки́чка*[1] ‘старинный головной убор замужних казачек’ (образовано от *ки́ка* ‘род кокошника’; *ки́чка* ‘холщовый остов кокошника’) и *ки́чка*[2] 1) ‘компания, группа людей’; 2) ‘разгульная компания’ (ср. с фонематическим вариантом *ти́чка*; замена согласного [т’] на согласный [к’] отмечается и в других лексемах, функционирующих в кубанских говорах, например: *ти́сто* и *ки́сто* ‘тесто’, *тю́тю́шки, ти́тюшки* и *ки́тюшки* ‘соцветия акации’); *ти́чка*[1] 1) ‘стая собак или волков с сучкой’; 2) ‘компания, группа людей’; 3) ‘разгульная компания’ (от диал. глагола *тичкова́ться* ‘водить компанию’) и *ти́чка*[2] ‘кожаный потник, подстилка под седло’ (вероятно, первоначально *ки́чка* от *кичи́м* ‘кожаный потник, чепрак, подстилка под седло’ – из тюрк., ср.: тур. *kičim* ‘лошадиная сбруя’ [13, с. 2, 241]; *kožim, kezim, kežim*, затем *ти́чка*); *хурда́*[1] ‘буря, метель’ (ср.: *хурта́* кур. ‘буран, метель, кура, вьюга, падара’; *хуртова́ть* кур., вор. ‘вьюжить, мести’ [5, с. 4, 569]; в кубанских говорах отмечен глагол *хурдели́ть* ‘вьюжить’) и *хурда́*[2] ‘отара слабых овец’ (ср.: *хурта́ть,* блр. *хурта́ць* ‘быть хилым, прихварывать’, сближается с чеш. *churavý* ‘болезненный, хилый, тощий’ [13, с. 4, 285]); для местных говоров характерна замена в сильной позиции глухого согласного на звонкий: *хурта́ – хурда́*, см. также: *коля́зочка*, *ле́нда*. Выявленные омонимы демонстрируют, что гетерогенная омонимия часто является результатом фонетических, морфонологических, морфологических преобразований, произошедших в разные периоды развития кубанских говоров и приведших к формальному сближению лексических единиц, имеющих разное происхождение.

Гетерогенные омонимы иногда сближаются в сознании носителей диалекта и воспринимаются ими как разные ЛСВ одного слова, происходит так называемая деомонимизация. Поскольку в подобных случаях наблюдается явление, обратное распаду полисемии, представляется логичным назвать его лексической конвергенцией (схождением двух лексических единиц, слиянием их в одно слово, ср. с семантической дивергенцией): лексема не утрачивает, а, напротив, притягивает значение совпадающей с ней по форме лексической единицы, которое органично вписывается в семантическую структуру благодаря наличию ощутимой семантической связи, эксплицируемой в высказываниях носителей диалекта. В кубанских говорах таким показательным примером яв-

© Борисова О.Г., 2011

ляется существительное *па́па*, *па́пка* 1) ‘отец, папа’; 2) ‘хлеб’ (обычно в разговоре с детьми). Приведем фрагмент беседы с А.Н. Котелевич из ст-цы Старотитаровской: – *Я по́мню: в на́шый симье́ на хлі́б каза́лы «па́па». – Пачиму́ па́па? – Ну па́па жэ рі́жэ хлиб, а ма́ма насыпа́е в тарі́лку*. В данном значении лексема зарегистрирована и в других русских говорах [11, с. 25, 203]. М. Фасмер также указывает на широкое распространение слова, которое восходит к лат. *papa* ‘каша’ (ср. с *папа* ‘уменьшительное название отца’от франц. *papa*) [13, с. 3, 200]. Подобные явления немногочисленны, однако они наглядно демонстрируют зыбкость границы между омонимией и полисемией не только со стороны последней, когда выпадает «промежуточное звено» [3, с. 85] и слово превращается в два омонима, но и со стороны омонимии, когда омонимичные слова сливаются в одно полисемичное слово (на аналогичное явление обращали внимание некоторые исследователи, см. [14, с. 85 – 86; 6, с. 60 – 61; 8, с. 178 – 181]). Квалификация фактов лексической конвергенции в говоре, или деомонимизации, требует особого подхода, учитывающего языковую интуицию носителей диалекта, которая для диалектолога является важным показателем при установлении тождества и отдельности слова.

Выделение омонимов, возникших в результате распада полисемии (гомогенных омонимов), – более сложная процедура, чем выделение гетерогенных омонимов. Она всегда осуществляется с большим трудом и часто происходит приблизительно [7, с. 216]. Действительно, ни один ученый пока не определил критическое семантическое расстояние, преодолев которое, ЛСВ может покинуть семантическое пространство исходного слова и образовать новое самостоятельное слово. Полагаем, что континуальность «чистой» семантики не позволяет назвать объективные единицы, которыми это расстояние можно измерить, поэтому интуиция исследователя, а также учет языковой компетентности диалектоносителя остаются единственным инструментом при разграничении полисемантов и омонимов. Субъективность подхода часто приводит к тому, что одно и то же явление получает в разных работах разную характеристику, и это отрицательно сказывается на лексикографической практике. Так, широко бытует в русских говорах семантический диалектизм *ба́бка*, который входит и в общекубанский лексический пласт. СРНГ представляет лексему как омоним. Устаревшее значение ‘петелька, застежка, запонка’ в словаре дается последним, девятнадцатым в словарной статье 3. *Бабка* (см. некоторые ЛСВ существительного: 1) ‘столб, служащий для опоры чего-либо’; 2) ‘столбы у полевых ворот (заворов) с отверстиями, в которые вставляются жерди (заворницы)’; 3) ‘Тычина в средине суслонов ржи’ … 18) ‘Игрушка [11, с. 2, 21 – 22]). Между тем многослойность семантической структуры общерусского слова *ба́бка* и его устойчивая оппозиционность существительному *дед / дид* (обозначающему в том числе ‘крючок на одежде’) позволяют, на наш взгляд, квалифицировать значение ‘петелька на одежде’ как один из ЛСВ полисемичного слова *ба́бка* 1) ‘бабушка’; 2) ‘женщина, принимающая роды’; 3) ‘женщина, лечащая травами’ (ср. 1. *Бабка* [11, с. 2, 20 – 21]). Отметим, что на тесную взаимосвязь пары *дед / дид – ба́ба / ба́бка* в кубанских говорах обращает внимание этнограф Н.И. Бондарь, подавая указанные слова в одной статье в материалах этнокультурного словаря Кубани [1, с. 320]. Такое объединение опирается на наличие культурных «текстов», в которых представлены оба персонажа в качестве очевидной оппозиционной пары. Как два омонима представляет СРНГ существительное *на́волочь*: *1. Наволочь* ‘облака, тучи; туман’ и *2. Наволочь* ‘о людях, занимающихся темными делами’ [11, с. 19, 182]. В говоре ст-цы Тбилисской лексема записана в двух значениях: 1) ‘туман, дымка’; 2) ‘о человеке, не внушающем доверия’. Второй ЛСВ возник на базе первого как результат метафорического переноса наименования, закрепленного за явлением природы, на качества, действия, свойственные человеку. Регулярность подобного переноса, а также функционирование диалектного слова в лексической системе говора одного населенного пункта позволяют, на наш взгляд, трактовать данную лексическую единицу как внутрисистемный полисемант. Рассмотрим другой пример. СРНГ регистрирует омонимы *кныш*[1] 1) ‘пшеничный хлеб’; 2) ‘круглый без начинки пирог, лепешка с загнутыми краями, смазанная маслом. Небольшой круглый пирог’; 3) ‘пышка’ и *кныш*[2] ‘о человеке маленького роста’ [11, с. 13, 346]. Общий семантический компонент ‘небольшой’ позволяет считать значение ‘о человеке маленького роста’ переносным и рассматривать данное существительное как полисемант. На Кубани лексема записана в четырех значениях: ‘ватрушка или пирожок без начинки’ [9, с. 144]; ‘пышка’ [11, с. 13, 346]; ‘большой пирог с фасолью или с горохом’ [2, с. 126], ‘о ком- или о чем-л. небольшого размера’. Отсутствие семантического компонента ‘небольшой’ в первых трех ЛСВ, а также наличие в третьем ЛСВ семы ‘большой’ разрывают их семантическую связь с четвертым значением и дают основание признать последнее самостоятельным

словом. Приведенные примеры демонстрируют, что семантическое варьирование слова в лексической системе диалекта в одних случаях приводит к сохранению тождества значений, в других – к их обособлению и отмежеванию.

В отдельных случаях распад полисемии можно прогнозировать. Так, лексема *кермéк* зарегистрирована в кубанских говорах в трех ЛСВ: 1) *раст.* ‘съедобное растение с высоким стеблем; обладает лечебными свойствами. Crambe orientalis’; 2) ‘лепешка из муки, в которую добавляли траву’; ‘3) ‘плохо испеченный, твердый хлеб’. Вероятно, наличие дубильных веществ в растении, которое подмешивали в муку, делало мучное изделие твердым. Отсюда переосмысление – твердый, жесткий хлеб, напоминающий приготовленную таким образом лепешку. Возможна и другая версия: лепешки, которые пекли в голодное время, не отличались качеством приготовления, поскольку в них обычно добавляли траву. Полагаем, что постепенное угасание у лексемы *кермéк* второго значения, ставшего в наши дни устаревшим, неизбежно приведет к разрыву семантической связи между первым и третьим ЛСВ и образованию омонимов. Волгоградские диалектологи уже лексикографически отразили отсутствие семантической связи между двумя ЛСВ существительного *кермéк* ‘растение семейства свинчатковых’ и ‘плохо приготовленное блюдо’, представив их как значения омонимичных слов [10, с. 3, 68].

При выделении гомогенных омонимов следует рассматривать слово в полном объеме зарегистрированных в говоре ЛСВ и только затем приступать к определению методом компонентного анализа наличия/отсутствия в структуре значений одинаковых семантических компонентов. В процессе лексикографирования необходимо также максимально полно использовать этнографическую и культурологическую информацию. Так, разные значения существительного *жáба* – ‘лягушка’ и ‘стоматит’ – мы посчитали возможным рассматривать как ЛСВ одного слова, принимая во внимание то, что *жаба* считается в народных верованиях ведьмой, приносящей болезни [13, с. 1, 31]. Глагол *перевернýться* записан в ст-це Старотитаровской в двух значениях – ‘умереть’ и ‘овладеть русским литературным языком’: *Старыи́ человéк – цэ больны́й. Самá остáлась. Я пэрэвэрнýсь, а трýт жэ ш жáлко. – Ди́ты нáшы нэ балáкають, ужэ́ разговáривают, ужэ́ пэрэвэрнýлысь. А мы ще ны пэрэвэрнýлысь.* Лексема квалифицируется нами как полисемант, поскольку метафорическая связь между двумя ЛСВ является для нас очевидной: овладение литературным языком и забвение материнского языка ассоциируются у носителей говоров с духовной смертью. При разграничении полисемии и гомогенной омонимии на синхронном уровне решающим является вопрос о мотивированности значений, при наличии которой ЛСВ остаются в границах одного слова. Отсутствие связанности значений приводит к распаду полисемии.

В отдельных случаях общерусское слово, функционируя в системе литературного языка, распадается на омонимы, а в говоре, благодаря наличию диалектного ЛСВ, сохраняет семантическую целостность. Так, МАС регистрирует омонимы *худорóдный*[1] ‘незнатного происхождения’ и *худорóдный*[2] ‘малоплодородный (о земле)’ [12, с. 4, 863]. Отмеченное в кубанских говорах диалектное значение ‘бедный, малоимущий’ органично вписывается в семантическую структуру *худорóдный*[1], поскольку бедность всегда ассоциируется с низким социальным положением человека в обществе. Диалектный ЛСВ обнаруживает также семантическую связь с *худорóдный*[2] (при ‘малоплодородный’ ≅ ‘бедный’, ‘скудный’, где ≅ обозначает «почти то же, что и…»). Таким образом, сохранение в говоре у прилагательного *худóй* значения ‘бедный, малоимущий’, отсутствующего в литературном языке (МАС регистрирует два омонима *худóй*[1] 1) ‘плохой, дурной’; 2) ‘дырявый, ветхий’ и *худóй*[2] ‘с лишенными жира мышцами, лишенный подкожного жирового слоя, имеющий сухощавое тело’ [12, с. 4, 863]), способствует сохранению семантического тождества слова *худорóдный*, функционирующего в диалектной системе во всех трех ЛСВ. Такие случаи, по всей вероятности, создают переходную зону между синхронией и диахронией лексической системы и способствуют более плавному переходу от старого состояния языка, которое еще удерживается в говорах, к новому, реализующемуся в его литературной разновидности.

Приведенный лексический материал достаточно убедительно свидетельствует о том, что в практической лексикографии следует дифференцированно подходить к каждому случаю определения семантической границы слова, отражение которой в региональном словаре способствует более точному выявлению объема словарного состава говора и прогнозированию семантической перспективы его эволюции.

Литература

1. Бондарь Н.И. Дед / Дид – Баба (материалы к этнокультурному словарю Кубани) // Проблемы общей и региональной этнографии : сб. науч. ст., посвящ. 75-летию А.М. Решетова. СПб., 2007. С. 318 – 326.

2. Борисова О.Г. Кубанские говоры: материалы к словарю. Краснодар, 2005.

3. Будагов Р.А. О так называемом «промежуточном звене» в смысловом развитии слов // Сборник статей по языкознанию. М., 1958. С. 73 – 85.

4. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) : учеб. пособие для вузов / отв. ред. Г.А. Золотова. 3-е изд., испр. М. : Высш. шк., 1986.

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1999. Т.4.

6. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М. – Л., 1965.

7. Лыков А.Г. Асимметризм русского слова // Вопр. русистики. Избранное. Т. 2: Лексикология. Краснодар, 2003.

8. Малаховский Л.В. О процессах деомонимизации в английской лексике // Основные проблемы эволюции языка: материалы Всесоюз. конф. по общему языкознанию. Самарканд, 1966. Ч. 1. С. 178 – 181.

9. Русский говор Кубани: словарь / под ред. Е.П. Шейниной и Е.Ф. Тарасенковой. Краснодар, 1992. 414 с. Деп. в ИНИООН РАН 12. 11. 92. № 47266.

10. Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. проф. Р.И. Кудряшовой. Вып. 3. К – Н. Волгоград : Изд-во ВГИПК РО, 2007.

11. Словарь русских народных говоров. М. – Л., 1965–2007. Вып. 2, 13, 19, 25 (СРНГ).

12. Словарь русского языка : в 4 т. М., 1961. Т.4. (МАС).

13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. СПб., 1996. Т. 1 – 2.

14. Buyssens E. Linguistique historique. Homonymie – stylistique – sémantique – changement phonétiques. Univ. libre de Brux., Travaux de la Faculté de Philosophie et Lettres. Bruxelles, 1965. T. XXVIII. P. 1 – 158.

Reflection of word's semantic bound in the practical lexicography (on the material of dialects in Kuban)

There is covered the issue of a word's semantic bound reflection in a regional dictionary. On the basis of the particular material there is shown that the semantic variation of a word in some cases leads to keeping of meanings identity, and in others – to their isolation. There is emphasized the importance of the individual approach to the lexicographic notion of each case of homogeneous and heterogeneous homonymy.

Key words: *word's semantic bound, homogeneous and heterogeneous homonyms, polysemants, lexical convergence, polysemy disintegration, semantic variation.*

А.Н. СМИРНОВА
(Псков)

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ НОМИНАЦИИ В ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ (на материале лексики традиционного убранства крестьянского дома)

Рассматривается проблема множественности номинации в псковских народных говорах. Анализируются наименования полотенец как одно из концептуальных тематических объединений диалектной лексики, характеризующей внутреннее убранство крестьянского дома. Весь комплекс средств выражения неединичности номинации (однокорневые и разнокорневые синонимы, составные наименования, варианты слов) представлен в виде многоуровневой полевой модели.

Ключевые слова: *множественность номинации, наименования полотенец, диалектные синонимы, варианты, псковские говоры.*

Номинации, связанные с интерьером жилища, многочисленны по составу и предполагают классификацию, учитывающую функциональную принадлежность самих реалий. Согласно этому принципу выделяется шесть основных тематических групп номинативных единиц, содержащих лексемы и устойчивые сочетания, называющие функциональные зоны, предметы мебели, приспособления для хранения предметов культа, утварь, предметы временного размещения, изделия из ткани и другие предметы (рукомойники, осветительные приборы, зеркала и т.д.).

В данной статье остановимся на выявлении признака множественности номинации в диалектной лексической системе при рассмотрении наименований полотенец. Полотенца не только выполняли бытовые функции, но и использовались для праздничного убранства крестьянского жилища. Полотенце, наделенное символическим значением, было важным атрибутом свадебного, родинного, погребально-поминального ритуалов [10, с. 105]. Собранный лексический материал весьма объемен, поэтому обозначенную проблему мы рассмотрим на примерах из псковских народных говоров. Основными источни-

© Смирнова А.Н., 2011